ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Богомолов Николай Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературно-художественной критики и публицистики, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: nab50@mail.ru

ГАЗЕТА «ЖИЗНЬ» (МОСКВА, 1918): ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ[1]

Настоящая статья посвящена истории московского издания «Жизнь», которое играло важную роль в развитии газетной периодики малоизученного первого послеоктябрьского времени. Автор рассматривает вопрос политической ориентации газеты «Жизнь», опираясь на ранее не опубликованные документы и газетные материалы, в том числе взятые из сохранившегося архива одного из редакторов «Жизни» – А. А. Борового. В статье автор рассматривает историю издания, издательскую политику руководителей, а также причины его скоропостижного закрытия. В заключении автор приходит к выводу, что газета, руководимая анархистами, тем не менее не была политически ангажированной. Умеренная политика издания и личности самих редакторов способствовали в том числе и развитию литературного отдела, с которым сотрудничали многие известные литераторы (Блок, Белый и т. д.). Газета «Жизнь» за столь короткий период существования успела оставить богатое наследие.

Ключевые слова: *газета «Жизнь», А. А. Боровой, политическая ориентация издания, газетная периодика, послеоктябрьский период, 1918.*

Nikolay A. Bogomolov, Doctor of Philology, Head of the Chair of Literary and Art Criticism and Journalism, Professor of the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: nab50@mail.ru

THE ZHIZN NEWSPAPER (MOSCOW, 1918): ITS POLITICAL POSITION

This paper is devoted to the history of the Moscow publication Zhizn, which had a great role to play in the development of newspaper periodicals of the understudied early post-October period. The author considers the newspaper's political affiliation drawing on the previously unpublished documents and newspaper materials, including those borrowed from the surviving archive of one of Zhizn editors A. A. Borovoy. The history of the publication, the editorial policy of those in charge and the reasons for its sudden closure are examined in the paper. The author draws a conclusion that although the newspaper was headed by anarchists it was not politically

engaged. Its soft-line policy and the personalities of the editors brought about, among other things, the development of the literary section, to which many outstanding men of letters (Blok, Bely and some others) contributed. In spite of its short history, the Zhizn newspaper left a really rich heritage.

Key words: *Zhizn newspaper, A. A. Borovoy, newspaper's political affiliation, newspaper periodicals, post-October period.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2019.2550

Московская газета «Жизнь» (апрель-июль 1918) не принадлежит к числу широко известных изданий. Вместе с тем следует отметить, что вообще газетная периодика первого послеоктябрьского времени, с Декрета о печати, принятого сразу после октябрьского переворота, и вплоть до эсеровского мятежа 6 июля 1918, когда последние относительно свободные издания были закрыты, известна плохо. На этом фоне «Жизнь» можно считать газетой хотя бы относительно обследованной. В связи с различными частными целями о ней писали А. В. Лавров, М. М. Павлова, Е. А. Тахо-Годи (Лавров, 2012; Павлова, 2010; Тахо-Годи, 2008), опубликован и сдан в печать ряд наших статей (см., напр., Богомолов, 2018). Однако всюду о ней говорилось как об арене выступлений различных авторов, а не как о самостоятельном предмете изучения. Меж тем исследователи обладают уникальными материалами, сохранившимися в архиве одного из ее редакторов – А. А. Борового. В основном это переписка различных лиц, из которой извлекаются разнообразные сведения, а также подборки статей самого редактора (что позволяет раскрыть принадлежность ему анонимных и псевдонимных материалов) и текущей прессы, некоторые формальные документы, несколько мест в обширных и подробных воспоминаниях Борового, доведенных лишь до 1917 г. Мы постараемся суммировать эти сведения и представить жизнь газеты «Жизнь» как насыщенный различными существенными фактами фрагмент практически неизвестного газетного бытия в Москве в первой половине 1918 г.

Первый номер «Жизни» вышел в свет 23 (10) апреля 1918 г. Среди авторов номера были очень известные писатели Ф. Сологуб и А. Ремизов, менее известный, но очень активный и как писатель, и как журналист в 1910-е гг. Н. Русов (о нем см.: Богомолов, 2007; Тахо-Годи, 2008), театральный критик Ю. Соболев,

уже сделавший себе имя журналист Н. Инбер (под псевдонимом Виссарион Павлов), оба редактора газеты, а также известный анархист Г. Сандомирский. Опубликовал свой материал мало кому тогда известный Владимир Рындзюн, впоследствии печатавшийся под псевдонимом А. Ветлугин и прославившийся своими книгами «Записки мерзавца» и «Авантюристы гражданской войны». Он сопровождал С. Есенина и А. Дункан в США, сделал себе там блестящую карьеру сперва в медиабизнесе, а затем в кинематографе[2]. Уже этого было довольно, чтобы сделать газету интересной и привлекательной для читателя, но в следующих номерах печатаются Вл. Ходасевич, И. Эренбург, В. Брюсов, С. Ауслендер, Андрей Белый, А. Блок – и это далеко не полный список.

Рассказ о создании газеты находим в известных воспоминаниях Дона-Аминадо «Поезд на третьем пути». Если отвлечься от иронического стиля автора, информация будет выглядеть так: решение о создании большой, умеренно оппозиционной газеты было принято присяжным поверенным и медиамагнатом (впрочем, только газетно-журнальным делом не ограничивавшимся) П. И. Крашенинниковым и знаменитым И. Д. Сытиным, редакторство было поручено приват-доценту Московского университета, идейному анархисту А. А. Боровому и еще одному анархисту Я. Новомирскому.

Из них значительно более известен Алексей Алексеевич Боровой (1875—1935). Он окончил юридический факультет Московского университета, был оставлен на кафедре, получил звание приват-доцента – и понял, что его умонастроению более всего соответствует не марксизм, как то было ранее, а анархизм. Об этом он написал в воспоминаниях, относя происшедшее к октябрю 1904 г.: «С необыкновенной отчетливостью, побеждающей убедительностью – во мне проснулось чувство нового для меня мироощущения <...> Со скамьи Люксембургского сада – я встал просветленным, страстным, непримиримым анархистом, каким остаюсь и по сию пору» (Боровой, 2004: 8). Он начинает печатать статьи и брошюры об этом, сотрудничает с журналом «Перевал» (см. библиографию его выступлений: Соболев, 1997), попадая тем самым в один из центров московского символизма. Эта деятельность не прошла ему даром: диссертация «История личной свободы во Франции» (М., 1910) не была защищена, лекции, популяр-

ные у различной публики, отменялись и запрещались, вдобавок он был привлечен к судебной ответственности, и в 1911 г. по чужому паспорту уехал во Францию, где провел три года. Вернувшись после амнистии к 300-летию дома Романовых, Боровой обратился к журналистской деятельности: был одним из ведущих сотрудников газеты «Новь» (1914), затем сотрудничал с одной из лучших русских газет того времени «Утро России», служил в армии. В первые годы после революции много печатался, руководил, как мы уже знаем, газетой, читал лекции об анархизме. Это, естественно, не способствовало академической карьере, которая ему вскоре была полностью запрещена. В 1929 г. он был арестован и выслан в Вятку, потом переведен во Владимир. Летом 1935 г. ему было разрешено приехать на месяц в Москву, но к месту ссылки он уже не вернулся: в ночь с 21 на 22 ноября он скончался и был похоронен в Москве[3].

Яков Исаевич Кирилловский (1882 — после 1936) также начинал как марксист, но около 1905 г. сменил мировоззрение, став анархистом, и превратился в Д. Новомирского. В отличие от Борового, он участвовал в эспроприаторской и террористической деятельности, преимущественно в Одессе, время от времени скрываясь за границей. В 1908 г. получил 8 лет каторжных работ, с начала 1915 г. был переведен на поселение, откуда бежал в САСШ. В 1917 вернулся в Россию, активно печатался, организовывал анархистские сообщества. В 1920 вступил в РКП(б), но вскоре разошелся с большевиками. Пока было возможно, занимался литературной работой, издал даже книгу стихов «Только душа» (М., б/г). Как и Боровой, был арестован и сослан в 1929 г., в 1936 арестован второй раз, приговорен к 10 годам лагеря – о дальнейшей его судьбе не известно ничего.

Дон-Аминадо так описывал двух редакторов на ужине в «Праге», где было принято решение о создании газеты: «По правую руку Сытина сидел приятный, голубоглазый, в золотом ореоле редеющей профессорской шевелюры, тщательно выбритый и выхоленный, в черном шелковом галстуке, повязанном à la Lavalière, официально приват-доцент Московского университета, а неофициально эстетический анархист, Алексей Алексеевич Боровой. Слева – сосредоточенный, смущенно-улыбающийся, и, несмотря на пятнадцать лет сибирской каторги, из которой он только год тому назад вернулся, моложавый, бодрый, и ни по возрасту, ни по проделанному в жизни стажу неправдоподобно доверчивый и по-

чти наивный, никакой там не эстетический, а настоящий, всамделишный, чистейшей девяносто шестой пробы, анархист Яков Новомирский» (Дон-Аминадо, 1994: 630).

А вот краткое описание самой газеты, сделанное ее сотрудником: «Вдвоем с Боровым они стали во главе газеты “Жизнь”. За два месяца существования “Жизнь” трижды переменила состав сотрудников и в зависимости от настроения Новомирского ежедневно меняла окраску. Сегодня она пророчествовала о национальном значении советов, завтра проклинала совнарком, послезавтра требовала интервенции... Потом и “Жизнь” закрылась, оставя память о забавном сумбуре. Потянулись горькие дни» (Ветлугин, 1921: 87).

Конечно, и в том и в другом описании есть натяжки и перехлесты, не говоря уж о заведомых неточностях, но в данный момент это для нас не принципиально. Существенно отметить два обстоятельства: газета была поставлена на широкую ногу и, по всей вероятности, платила хорошие гонорары[4], а также не была однозначно политически ориентированной. Большинство пишущих говорит о ней как об органе анархистов. Решительнее всего это проделывал Дон-Аминадо, близко стоявший к редакции и значившийся в списке сотрудников (хотя его псевдоним или подлинная фамилия Шполянский ни разу нам на страницах газеты не встретились), вспоминая так:

> В последующих двух-трёх номерах была довольно смелая статья Борового о роли личности в истории, нечто вроде вежливой, но открытой полемики с ортодоксальным марксизмом.
>
> От Каржанского пришло первое предостережение:
>
> – Осторожней на поворотах!
>
> Крашенинников заволновался, кинулся к Новомирскому.
>
> Но старый каторжанин, показавшийся уже не столь наивным, был непреклонен.
>
> – Вы губите газету!.. – умоляюще бубнил Петр Иваныч.
>
> – Программа важнее газеты! – не уступал Новомирский.
>
> – Какая программа?! – искренно удивился бывший присяжный поверенный, считавший, что за завтраком у Тарарыкина все вопросы о программе были до конца определены и исчерпаны.
>
> – А вот завтра увидите! – угрожающе стоял на своем прямолинейный и задетый за живое редактор.

Ночью, когда набирался номер, Крашенинникова в типографию не пустили.

На следующее утро газета вышла с напечатанным жирным шрифтом и на первой странице «Манифестом партии анархистов».

Всего содержания манифеста за давностью лет, конечно, не упомнить, но кончался он безделушкой:

– Высшая форма насилия есть власть!

– Долой насилие! Долой власть!

– Да здравствует голый человек на голой земле!

– Да здравствует анархия!!! (Дон-Аминадо, 1994: 634)[5].

Самый внимательный просмотр газеты показывает, что никакого «Манифеста партии анархистов» там напечатано не было, а статьи об этом идейном течении были совершенно мирными. Впрочем, существует и иная точка зрения, ничем не подтвержденная: «Изд<ание>, близкое к эсеровским кругам...» (Мандельштамовская энциклопедия, 2018: 248).

Чтобы разобраться в идейной и политической позиции газеты, обратимся к письмам, сохранившимся в архиве Борового.

После выхода первых номеров в один и тот же день, 28 апреля (нового стиля), ему написало несколько корреспондентов, по-разному расценивавших начавшее выходить издание. Одной из них была его мать Надежда Григорьевна, урожд. Ловчикова, в первом браке Абельдяева. 28 апреля она писала сыну: «Дорогой Леля, не могу не выразить, в каком я восторге от твоих статей, и вообще вся газета мне страшно нравится. Господи, хоть бы Вашими устами – да мед пить! Я уже совсем собиралась было переселиться в Елисейские, да Ваша Жизнь так наэлектризовала старуху, что решила заглянуть на Вашу жизнь в надежде обрести утерянную Веру, Надежду и даже Любовь. Твоя статья об Анархизме еще раньше напомнила чуть не Нагорную проповедь Христа, но как оценили его люди. Вот поэтому и стражду, всего опасаюсь и ничего отрадного не предвижу»[6].

Восторг этот можно списать на родственные отношения. Но вот второе письмо, даже отпечатанное на машинке и обращенное к обоим руководителям газеты:

Москва 28/15 <апреля> 1918 г.

Уважаемые

Граждане Редакторы!

В наше необыкновенное время, когда дух угасающий ничем не воодушевляется, когда тупо прозябаешь среди нескончаемой политической трескотни, я в тоне Вашей газеты и той Вашей новой линии, которую Вы в ней четко и видимо бережно ведете, ощутил нечто такое умиротворяющее, что не устоял против искушения написать Вам свою непрошенную признательность. Но... не всякий незваный гость «хуже татарина», а будучи хорошо знаком с газетным и журнальным делом, я уверен, что Вы поймете мои чувства, поймете, почему я счел нужным подтвердить Вам свое мнение, что Вами на новом корабле новыми средствами взят новый и правильный курс. Я давно мечтал о выходе издания с таким именно «газетным лицом», какое имеет Ваша «ЖИЗНЬ». Первое, что мне бросилось в глаза, это то, что «Жизнь» резко и выгодно выделяется на фоне современного газетного рынка, и вот почему:

1. Несмотря на Ваши лозунги, чувствуется, что для Вас дело не в лозунгах, а в конкретных и поучительных фактах жизненной эволюции, из коей Вы делаете свои заключения в полной готовности и самим сознательно эволюционировать по пути разумного синтеза.

2. Вам чужда узкая партийность, ибо Вам ясно, что узость не может дать широкого творческого размаха. И действительно: не напоминает ли приевшаяся всем партийность ту даму-модницу, которая надела настолько узкую юбку, что до слез рассмешила публику неудачными попытками перепрыгнуть через ров... Но Ваша политическая призма, красиво разлагая лучи разных современных учений, дает простор новым идеям. Вот почему я верю в Ваш лозунг раскрепощения человечества и почему в Вашей газете, как я подозреваю, должны мирно уживаться социализм с национал-гуманизмом и индивидуальным эстетическим анархизмом.

3. Вы любите свою родину и свой народ, но это любовь – не политиканствующий патриотизм, а нечто иное. Мне кажется, что в Вашей любви к России переплелись наследст-

венные черточки Тургеневского западничества и идеалов Герцена с оригинальными данными нашей собственной родной культуры.

4. Вы снисходительны, что видно по статьям, проникнутым терпимостью к главным политическим, общественным и художественным течениям.

5. Вы оптимисты. При чтении «Жизни» обыватель, вероятно, подбадривается настолько, что перестает многому поражаться и вместо привычного очередного дряблого брюзжания переходит к мысли, что не уперлась наша жизнь в тупик, а лишь болезненно перерождается среди бурь и тревог.

6. Порядок и качество даваемого Вами публицистического, литературного и прочего материала производят наивыгоднейшее впечатление. Заметно, что издатели уже успели полюбить свое детище.

В общем, редакция мне напоминает энергичного капитана, умело ведущего свой корабль среди бушующего политического моря, где того и гляди – захлестнет репрессивная волна торжествующего временщика...

Очень прошу меня извинить за нескромный взгляд, брошенный мною на Ваш капитанский мостик, который, быть может, и не выглядит вполне таким, каким я его себе представляю. Но как бы то ни было, я как журналист-любитель (сост<ою? ял?> сотр<удником> германск<их>, швейцарск<их>, австрийск<их> и русск<их> изд<аний>), от души желаю «Жизни» прочно держать взятый курс и приобресть достойное себя количество и качество читателей: большому кораблю и большое плавание.

Максим Ионов

Мой адрес:
Д-ру мед. М. Ионову-Шиляйнеру
Архангельский переул., № 7, кв. 18[7].

Однако самое насыщенное письмо поступило от одного их сотрудников газеты, видного анархиста Германа Борисовича (Гершона Берковича) Сандомирского (1882–1938), чья биография поначалу очень похожа на биографию Я. И. Новомирского: учился за границей, участвовал в анархистском подполье, был на

царской каторге и в ссылке, после 1917 много писал. Но в отличие от Новомирского в 1920-е гг. служил в Наркомате иностранных дел, участвовал в Генуэзской конференции. В 1930-е и его нагнала машина репрессий: был сослан, потом арестован и расстрелян.

28/IV 1918

Многоуважаемый
Алексей Алексеевич,

Боясь уподобиться тов. А., я все же не могу удержаться от этого письма. Простите, если Вам приходится выслушивать столько излияний – и самых разнообразных, – но, право, в письме легче сказать обо всем, чем в хаотической беседе среди редакционной сутолоки.

Дело в том, что, сочувствуя всей душой Вашему и тов. Н<овомирского> начинанию, я все-таки не могу укрепить в себе веры в успех этого дела. В создании самого дела я не принимал участия, но боюсь, что те обещания, к<отор>ые были даны, вряд ли будут выполнены. Но дело не в этом. Даже с самой большой натяжкой я не мог бы сказать, что разделяю направление газеты. Направление это, конечно, определенно большевистское; многие статьи – замаскированный дифирамб им. А давно ли Яков Ис<аевич>, вместе с другими товарищами, утверждал, что анархизм от большевизма *дальше*, чем какое-либо иное учение? Не стану развивать и иллюстрировать своей мысли, – полагаю, что Вы поймете ее и без дальнейших ссылок. Конечно, это эволюция угнетает меня, – ибо я действительно думаю, что социальная революция сама по себе, а большевистская демагогия – дело совершенно другое. Анархия – враг охлократии <?>[8], духовный союз с «партией черни и сволочи», как называл их Н<овомирский>, конечно, недопустим. А газета идет к этому. Кто направляет ее по этому пути – для меня безразлично. Но я боюсь, что газета принесет больше пользы издателю, а м<ожет> б<ыть>, и большевикам, чем анархизму.

Все это, конечно, не может быть мотивом для моего полного отказа от участия в газете. Каждую хорошую попытку нужно поддерживать. А ведь если даже издатель сдавит всех кольцом и придется уйти, то можно будет только

сказать: «Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas». И ради этой laudanda voluntatis Вашей я и хотел бы быть полезным. Но чем? Ставить свой отдел в газете при том условии, что общее направление газеты уже предопределено рядом ответственных редакционных статей, конечно, невозможно. Я не представляю себе, как можно критически анализировать политику большевиков в области народного хозяйства, если во всех остальных статьях они изображаются единственными людьми, верно учуявшими нынешний момент и т. д. Я не буду саботировать работы и, пока Вы не найдете мне заместителя, буду вести этот отдел, как сумею. Но я заранее убежден, что из этого ничего не выйдет, да и не хочется брать ответственности за общее направление.

В «Жизни» мне хотелось бы отвечать за *свои* статьи только, – так же, как это бывает во всех газетах, в к<оторы>х я пишу. Меня мало трогает статья Рындзюна, но, конечно, отвечать за нее я не хотел бы. Кроме того, я не экономист и не энциклопедист, à la Солонович – у меня есть малюсенькая публицистическая жилка, и громадная вера в правду своих убеждений. Эта последнее и дает мне возможность не только писать свои статьи, но и оставлять в них частицу своей души. «Жизни» я могу быть полезен только своими передовыми статьями или просто статьями по вопросам внутрен<ней> и внешней политики, написанными, конечно, без всякого урезания своего анархического миросозерцания.

Кстати, мои исключительно скверные личные обстоятельства вряд ли позволят мне отдавать столько времени, сколько нужно для ведения отдела. Я думаю, что т. Пиро справится не хуже меня, – тем более, что он заинтересован, кажется, и самой должностью заведующего. Но это уже В<ам> виднее.

Pro domo mea мне хотелось бы, чтобы вопрос был разрешен так:

а) либо редакция считает желательным получать д<ля> «Жизни» *регулярно* от меня 3 передовицы или статьи в неделю, тогда мне назначается фикс + построчные,

б) если же Вы найдете, что более яркого освещения нашей позиции и анархизма вообще, чем это делается други-

ми отделами, не нужно, то мне придется остаться за штатом, на общем положении случайных сотрудников.

Завтра в условленное время я буду, и буду работать, – Вас же прошу за это время обсудить этот вопрос с Як<овом> Ис<аевичем> и сообщить мне при нашей встрече. И личные, и материальные мои обстоятельства весьма пакостны, но я считаю для себя нравственно обязательным, рискуя даже надоесть Вам, точно выяснить мое отношение к нынешнему направлению газеты и, – чем я могу быть ей полезен.

Я думаю, что не нужно видеть в этом колебаний в стиле Луначарского (мы так тароваты все на аналогии!). Мы товарищи из одной <и> той же армии, и чем больше мы будем совещаться о распределении ролей, тем, конечно, это будет лучше для дела, – п<отому> ч<то>, в конце концов, договоримся до того, что каждый будет в газете выполнять только те функции, для которых он считается призванным.

С глубоким уважением

Г. Сандомирский[9].

Как видим, Сандомирского, прежде всего, не устраивает большевизанство газеты, где он регулярно сотрудничает, а кроме того – невозможность открыто выражать свои анархические взгляды. История, начавшаяся в апреле, закончилась в № 36 от 7 июня (25 мая), когда появилась публикация:

Г. Сандомирский. Письмо в редакцию

Разделяя идейную позицию редакции «Жизни», считая вместе с ней, что одним «антибольшевизмом» спасти революцию нельзя и что, напротив, величайшая заслуга, которую русская интеллигенция и русская печать могут оказать сейчас народу, заключается в духовном сплочении всех истинно-революционных элементов и неустанном разоблачении демагогии одних, вольных и невольных заблуждений других, вызываемых партийным местничеством, – я считаю себя вынужденным выйти из числа сотрудников газеты, вследствие ряда существенных разногласий организационно-профессионального характера.

Печатно заявил о своем выходе из числа сотрудников газеты еще один видный анархист. Подпись в конце, видимо, является опечаткой: должно быть не В.Л., а Вл., поскольку этого примечательного человека звали Владимир Иванович Забрежнев (1877–1939). Как и многие другие, поначалу он был марксистом, потом примкнул к анархистам, участвовал в декабрьском восстании 1905 г., был арестован, но бежал еще до суда, долго жил за границей. Вернувшись после Февральской революции, печатался в анархистских изданиях, потом стал на сторону большевиков, выполнял различные деликатные миссии (вроде распродажи эрмитажных картин или работы в институте мозга). Умер в предварительном заключении. В газете «Анархия» от 19 июня он напечатал письмо:

> Товарищи!
>
> Не откажите приютить в «Анархии» мое письмо т. Боровому, не нашедшее почему-то себе места на страницах «Жизни».
>
> Уважаемый товарищ
>
> Алексей Алексеевич.
>
> Вернувшись в Москву после продолжительного отсутствия, узнал, что на основании моей единственной статьи от 1-го мая я занесен в число *участвующих* в «Жизни».
>
> Ознакомившись с «Жизнью», вижу, что позиции ее для меня совершенно неприемлемы и сотрудничество мое в ней невозможно.
>
> Поэтому очень прошу вас снять мое имя со списка сотрудников «Жизни» и напечатать на страницах ее настоящее письмо.
>
> С товарищеским приветом
>
> В. Л. Забрежнев.

Но, с другой стороны, советская печать отнюдь не хотела признавать, что «Жизнь» хоть в какой-то степени отражает интересы коммунистической партии и советской власти вообще. Уже 25 апреля кампанию против только что появившейся газеты начали «Известия Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов». В статье «Двух станов не бойцы», подписанной «Тис», говорилось:

Мы видели, что получилось из «нейтральной» позиции «Новой Жизни»: вчерашние революционеры Базаровы, Авиловы, М. Горькие сразу слиняли и записали так, что у зачитавшегося обывателя с радости и полного удовольствия аж селезенка играет...

Позиция «Жизни» иная: не «правее большевиков, левее меньшевиков», а – «над всеми этими, которые там внизу чего-то машут руками, копошатся и галдят...» Конечно, не в таких точно выражениях самоопределяется новая газета, но таково несомненно существо мироощущения, по крайней мере, лидеров объединившейся у ее столбцов интеллигентской группы.

Часть этих интеллигентов, с г. Алексеем Боровым во главе, известна своим более или менее анархо-синдикалистским прошлым (отчасти – и настоящим); другие же, как Ф. Сологуб, Айхенвальд, А. Н. Толстой, Эренбург и др. упражнялись до сего дня в контрреволюционной публицистике на страницах буржуазно-либеральных газет. Нет недостатка в художниках и литераторах строго аполитической складки. Анархисты «Жизни» отмахиваются от анархистов-коммунистов «особнячного» типа, синдикализм ее какой-то выхолощенный, без изюминки революционности, – недоумеваем, как в эту компанию благонамеренных граждан попал левый социалист-революционер Андрей Белый? <...>

«Двух станов не бойцы» корректно относятся к диктатуре пролетариата, – и в то же время ласково понукивают к работе саботирующую интеллигенцию и отечески журят ту ее часть, которая открыто готова заявить себя буржуазной.

Устойчиво ли это «завидное» беспристрастие?

Попытка подобного бесстрастия, можно заранее предсказать, обречена на неудачу. Уже в первых номерах «Жизни» пробиваются весьма подозрительные побеги: вот г. Боровой, ликующий, что «впервые сама война нас окрылила – открыла неизвестную нам дотоле радость общественного творчества» <...> вот решительно всеми расточаемые восторги исключительно февральской революции и какое-то странное... замалчиванье революции октябрьской, вот унылые статьи на реках вавилонских сидящих и

плачущих гг. Русова и Рындзюна, вот сетования по поводу разрушения «гражданского мира» и определенная ориентация на англо-французский империализм...

Боимся, что когда (это же неизбежно!) «Жизни» придется приземлиться, сама жизнь метнет ее в тот стан, где нашли себе вечное успокоение бывшие либералы, бывшие социалисты и прочие «живые трупы»...

Заметка эта показательна не только характеристикой «Жизни», но и отчетливо на наших глазах формирующимся языком и стилем будущей советской печати, часть штампов которой успешно дожила и до нашего времени. Что же касается состава авторов газеты, то здесь обозреватель «Известий» сделал серьезную ошибку. Он ориентировался не на реальных сотрудников, а на тех, кто был заявлен как потенциальный участник. В итоге из четырех названных им писателей регулярным автором «Жизни» стал только Сологуб. Илья Эренбург напечатал лишь одну статью[10], и тут же поспешил сделать заявление в газете «Родина»: «Не откажите дать место следующему заявлению: ввиду обнаружившейся неприемлемости для меня политической позиции газеты “Жизнь”, я больше сотрудником ее не состою» (Попов, Фрезинский, 1993: 150). Мало того, в июне «Жизнь» решительно выступила против Эренбурга и его сторонников[11]. Так что обвинять «Жизнь» в том, что она пригласила в сотрудники И. Эренбурга, было неосмотрительно.

Так же обстояло дело с двумя оставшимися сотрудниками, которых «Известия» навязали газете. Об их отношении к «Жизни» рассказывают сохранившиеся письма. Так, Ю. И. Айхенвальд 11 апреля (видимо, старого стиля) писал Боровому: «Я очень благодарю Вас за память и Вашего предложения принципиально не отклоняю. Но я так много пишу уже в других органах (особенно в *Ран<нем> Ут<ре>*), что едва ли в ближайшее время найду мысли и слова для новой газеты. Кроме того, я хотел бы предварительно сжиться с нею как читатель, вчитаться в нее. Итак: позвольте мне несколько отсрочить свое окончательное решение. От души желаю Вам и Вашему начинанию успеха»[12]. Но 9 мая, когда направление издания выяснилось вполне определенно, он сообщал Боровому: «Вероятно, до Вас не дошло мое по почте посланное письмо, в котором я просил Вам вычеркнуть мое имя из списка сотрудников “Жизни”. Я писал, что предоставляю Ва-

шему усмотрению – печатать ли о моем уходе из “Жизни” или нет (сам я не считаю этого необходимым, а удовольствовался простым исчезновением моего имени в списке). Теперь я повторяю свою настоятельную просьбу. Направление газеты мне глубоко не по душе. Но, как я заметил уже в своем первом письме, не соглашаясь с Вами как с редактором, я лично Вам шлю свой привет»[13].

Схожий, но еще более определенный эпистолярный диалог состоялся у Борового с А. Н. Толстым. Сперва он получил письмо, которое должно было его обрадовать: «С удовольствием принимаем моя жена – Наталья Крандиевская – и я Ваше предложение учавствовать <так!> в редактируемой Вами газете»[14]. Но следом за тем он обращается к нему вполне официально:

В редакцию газеты «Жизнь»

Многоуважаемый Алексей Алексеевич, разрешите просить Вас исключить из списка сотрудников газеты «Жизнь» меня и мою жену Наталью Крандиевскую.

Примите уверение в моем постоянном к Вам уважении.

Граф Алексей Н. Толстой.

3 июня 1918 г.

Так что и с ним Тис обманулся. Не мог он предвидеть и того, что от сотрудничества в «Жизни» откажется еще одна небезызвестная супружеская пара. На следующий день после письма Толстого последовало такое:

Москва, 4 июня 1918 г.

Глубокоуважаемый

Алексей Алексеевич,

Вы крайне обяжете меня, распорядившись исключить меня из списка сотрудников «Жизни».

Вера Михайловна Инбер присоединяется к этой просьбе.

Позвольте заверить Вас в моем искреннем к Вам уважении.

Нат. О. Инбер (Виссарион Павлов)[15].

В заключение данного сюжета добавим, что Тис, отныне и довольно долго преследовавший Борового и «Жизнь»[16], был его приятелем университетских лет. В жизни его звали Владимир Иванович Блюм (1877—1941), впоследствии он стал очень видным советским театральным критиком, писавшим погромные статьи,

чаще всего под псевдонимом *Садко*, возглавлял театральную секцию Главреперткома, т. е. был еще и цензором.

Чем дольше существовала «Жизнь», тем сильнее становились преследования с разных сторон. Не только советская печать на нее нападала, но и независимые газеты. Так, в начале июня разгорелся скандал в связи с тем, что была запрещена розничная продажа всех независимых газет, кроме двух. Известный эсер О. С. Минор по этому поводу писал: «Все социалистические газеты убиты запрещением распространять их среди читателей. Все, кроме двух, имена которых отныне приходится вспоминать с чувством глубокого недоумения и стыда. “Жизнь”, выходящая под редакцией анархистов Борового и Новомирского, и “Новая Жизнь”, газета Максима Горького и Суханова»[17]. На другую заметку того же времени отвечал сам Боровой: «”Наша Родина” вчера (№ 16) напечатала статью, посвященную нам и “Новой Жизни” <...> Борьба за личную свободу – один из лозунгов, одушевлявших “Жизнь” с самого дня ее рождения. Свобода печати для нас – незыблемый устой подлинно свободного общества. Но закрываться ли нам из-за того, что правительство деспотической рукой душит буржуазную или социалистическую печать? Сделаться самому молчальником лишь потому, что вынужден молчать другой, далекий нам по духу, устремлениям? Нет! <...> Со всей силой разумения нашего клеймим мы насилие против печати и, в частности, против вас, но нам с вами не всегда по дороге, и мы ради вас не замолчим, как не замолчите вы, если придут другие дни и нас растопчут»[18].

Хотя запрет вскоре был отменен, «Жизнь» все равно не переставала быть мишенью для газетной критики. Так, всего за 3 недели до окончания независимой печати в советской России появилась следующая заметка: «Газета “Жизнь”, как известно, состоит в верных Личардах при советской власти. Не то, чтобы она была принята с парадного хода – где уж там! – но на кухню ее пускают и даже иногда подносят спитого чаю с господского стола <...> Поглядите, как в разных “Известиях” отделывают и “Жизнь” и ее главу, А. А. Борового. Что называется, “нечестно пхающе”. Так что напрасно, напрасно лезете из кожи, господа!»[19].

Советская же власть от печатных обвинений перешла к очень конкретным юридическим. Административные наказания выносились почти мгновенно. 7 июня «Жизнь» напечатала непонравившийся материал, и тут же не любившая «Жизнь» газета из чи-

сла независимых не без внутреннего злорадства напечатала под рубрикой «Дела печати» заметку: «Газета “Жизнь” по постановлению военного комиссариата оштрафована на 1.000 рублей за помещение в № 36 заметки “На Лосиноостровской”»[20].

Гораздо серьезнее обстояло дело, когда материалы передавались в революционный трибунал. В своей автобиографии Боровой писал: «В течение 3 месяцев 1918 г. редактирует вместе с т. Новомирским газету “Жизнь”. С закрытием газеты привлечен к судебной ответственности, но по всем 3 инкриминированным ему делам был оправдан»[21]. Всех этих дел мы не знаем, но и то, что известно, заслуживает, как кажется, внимания историков печати и вообще различных установлений советской власти.

Первое из дошедших до нас известий напечатано в газете, вырезку из которой Боровой сохранил в одном из своих альбомов, но названия не написал. Она называлась «Предание “Жизни” суду революционного трибунала» и гласила: «Вчера в закрытом заседании следственной комиссии московского революционного трибунала рассматривалось дело газеты “Жизнь”, привлеченной за заметку в № 13 от 11 мая “Вокруг Курска”, заимствованную из “Новой Жизни”. По выслушании объяснений от редакторов А. А. Борового и Я. И Новомирского следственная комиссия постановила: предать редакторов газеты “Жизнь” суду революционного трибунала»[22].

3 июля (за 3 дня до прекращения газеты) за № 120 на бланке: «Военно-Цензурное Отделение оперативного отдела Народного Комиссариата по Военным делам» туда поступило предупредительное письмо:

> Редактору газеты «Жизнь»
>
> В № 56 вашей газеты от 5 июля с/г помещена статья «Продовольственные жел. дор.», которая на основании п. 11 перечня должна быть представлена на предв<арительный> просмотр военной цензуры.
>
> В статье «Донщина» в сообщении собств<енного> корр<еспондента> из Воронежа слова: «Под Батайском происходят частые бои», вычеркнутые цензурой, газетой напечатаны.
>
> Заведующий Военно-Цензурн<ым> отдел<ом> Мустафин.
>
> Цензор <подпись неразборчива>[23].

Весьма вероятно, что по этому делу Боровому предстояло подвергнуться суду трибунала, как и по другим. Вот еще одно извещение, опубликованное в остающейся нам неизвестной газете: «Суд<ебные> дела, назначенные к слушанию в московском революционном трибунале <...> 12 авг<уста> редакторов газ<еты> “Жизнь” Новомирского и Борового, обвиняемых в помещении в газете непроверенных слухов»[24].

27 (14) июня вышел № 52 «Жизни», а следующий, 53-й, – через день, 29 (16), что нарушало периодичность издания. Причины этого весьма любопытны.

В вырезке из неизвестной газеты в альбоме Борового читаем: «Вчера закрыты газеты “Жизнь” и “Новости Дня”. Газета “Жизнь” закрыта за заметку в № 51-м “Японцы во Владивостоке” <...> Обе газеты закрыты до рассмотрения дела о них в революционном трибунале»[25]. А дальше история была рассказана самой «Жизнью»: «Третьего дня редакцией газеты “Жизнь” была получена от комиссара по делам печати бумага следующего содержания[26].

Вчера редакцией от помощника военного комиссара московского округа получена бумага след<ующего> содержания:

> В редакцию газеты “Жизнь”
>
> Ввиду того, что газета “Жизнь” была закрыта за заметку “Японцы во Владивостоке” в № от 26/VI, каковая заметка уже была помещена от 25/VI в “Известиях Центр. Исп. К-та”, но под другим заглавием “Сибирское предательство”, окружной военный комиссариат, на основании военного положения, разрешает к выходу газету “Жизнь”.
>
> Помощник военного комиссара московского округа
> А. Аросев»[27].

Абсурд ситуации был таков, что автор заметки оставил документы без комментария, кроме чисто фактологического.

Вместе с тем ситуация с трибуналом могла стать и вполне серьезной, поэтому судебные проблемы бывали предметом обсуждения, не только устного, но и эпистолярного. В этом отношении показательно письмо присяжного поверенного и, как он рекомендовался на своей именной бумаге, правозащитника Сергея Евгеньевича Евгеньева к Боровому от 3 июля 1918 г.: «Присутствуя в трибунале, я довольно близко сошелся с Торчинским, обвините-

лем от советской власти. Это очень симпатичный, искренний и в высшей степени порядочный человек. Сегодня у нас был разговор о процессе газеты “Жизнь”, дело которой, как Вам известно, назначено на 10 июля. Возможно, что обвинителем по делу явится этот самый Торчинский, взгляд которого на дело таков – никакого серьезного преступления в помещении ложной заметки он не видит, т. к. с его вполне правильной точки зрения следует различать, в какой газете помещается заметка, какую позицию по отношению к советской власти занимает эта газета и какую цель она преследовала – только ли информационную или же еще и политическую. В этой плоскости, по моему мнению, и следует вести защиту»[28]. Текст этот показывает, что все в процессе было обставлено достаточно серьезно, можно было ожидать не только административных мер, но и уголовного преследования, к чему, несомненно, Боровой готов не был.

И уж совершенно явно ни он, ни кто бы то ни было иной не были готовы к тому, что все закончится практически одномоментно, никто не станет разбираться в оттенках «буржуазности». В невышедшем номере «Жизни» должна была появиться статья Борового «Танец смерти», посвященная проблеме смертной казни, широко обсуждавшейся тогда в печати[29]. 8 июня, то есть уже через день после закрытия, Боровому писал уже упоминавшийся нами С. Е. Евгеньев: «Вероятно, Вы уже имеете материал по поводу убийства гр. Мирбаха. Уверен, что редакция не может признать этого акта политически целесообразным и потому предлагаю Вашему вниманию свою ст<атью> по этому вопросу. Сегодня вечером я представлю в ночную редакцию ст<атью> о бюджете. Представленную мною для воскресного номера прошу не печатать, т. к. теперь я вполне разобрался в бюджете и дам более полный и более серьезный разбор»[30]. Видимо, ни ту ни другую статью напечатать нигде не удалось: погром московского газетного мира был произведен старательно.

Некоторое время газета напоминала своим издателям о том, что совсем недавно они отвечали за ее положение на рынке и были ответственны не только за содержание давно вышедших номеров, за которое подвергались судебным преследованиям (об этом см. выше), но и за расчеты с сотрудниками. Последние относящиеся к изданию «Жизни» документы из архива Борового, которые нам удалось обнаружить, датированы началом августа. 3 ав-

густа Боровому пишет один из его ближайших сотрудников: «Оставляю Вам постановление Професс<ионального> Союза от 31-го июля (о ликвид<ационной> комиссии) и опросный лист, который надо вернуть в понедельник. Все вопросы, связанные с ликвидацией, сегодня надо решить»[31].

Однако и в тот день решить дело не удалось. Последний документ, имеющийся в нашем распоряжении, был подписан 15 августа и оформлен как официальный документ:

Ликвидационной Комиссии

Мы, нижеподписавшиеся представитель конторы газеты «Жизнь» Петр Яковлевич Куманов и члены ликвидационной комиссии, уполномоченные общим собранием, Алексей Алексеевич Боровой и Ефим Моисеевич Гураев – заключили следующее соглашение:

Издательство принимает на себя обязательство уплатить в три срока 15-го августа, 1-го сентября и 15-го сентября след<ующие> ликвидационные суммы:

Средний заработок за 1½ месяца всем сотрудникам – работавшим в газете не менее месяца, считая до момента закрытия ее 7/7 фиксированным, а также постоянным, нефиксированным, список коих прилагается здесь же:

Нефиксиров<анные> постоян<ные> сотрудники

Савостьянов, Аркин, Быстров, Рихтер, Александровский и Обруч.

2) Средний построчный гонорар всем вышеуказанным сотрудникам за время с 15-го июля по 1-е августа.

3) Ввиду заявления П. Я. Куманова о том, что Ткаченко-Саянов с 30-го мая в газете не сотрудничал, ликвидационное отношение с ним может быть предметом особого соглашения.

Были эти деньги выплачены или нет – мы не знаем, так же как не знаем об истории уже закрытой, но все же продолжавшей вести своего рода загробное существование газеты ровным счетом ничего. В воспоминаниях Борового «Жизнь» упоминается только случайно. В «Авантюристах гражданской войны» Ветлугина, о ней нет практически ничего, кроме тех строк, что мы процитировали. Несколько более словоохотлив Дон-Аминадо в «Поезде на третьем пути», но его воспоминания до чрезвычайности ненадежны[32].

А между тем газета весьма примечательна не только своей позицией в мире московской и российской прессы 1918 г., но и ценностью своих публикаций, особенно литературного отдела. Согласие многих, от Блока и Белого до безвестных литераторов, сотрудничать в газете было предопределено как личностями редакторов, так и той умеренной редакционной политикой, которую они проводили все три месяца существования «Жизни». И не их вина, что газета прекратила свое существование.

Примечания

[1] Работа над статьей велась при поддержке гранта факультета журналистики МГУ.

[2] Подробнее о нем см.: Устинов, 2016. В этой статье названо и большинство предшествующих работ. Из не указанных автором см.: Толстая, 2004; Белобровцева, Меймре, 2006; Белобровцева, 2009; Белобровцева, 2016. Ср. также последние по времени статьи: Бакунцев, 2017а; Бакунцев, 2017б.

[3] Более подробно о биографии Борового см. в предисловиях С. В. Шумихина к публикациям отрывков из его воспоминаний (Боровой, 2004; Боровой, 2010) и подробную статью, анализирующую также анархистские воззрения Борового: Рублев, Рябов, 2011.

[4] В воспоминаниях Боровой писал о П. И. Крашенинникове (скрыв его под криптонимом К.): «В 1918 г. – с чрезвычайной широтой и даже щедростью – он финансировал газету “Жизнь”, которую редактировали я и Д. И. Новомирский, но уже без всяких попыток вмешательства в характер газеты. Газета была ярко революционная, боровшаяся за Октябрь, но “оппозиционная”» (РГАЛИ. Ф. 1023. Карт. 1. Ед. хр. 171. Л. 61).

[5] Дон-Аминадо. Цит. соч. С. 634. Упоминаемый здесь как покровитель газеты Каржанский – Николай Семенович Зезюлинский (1879—1959), литератор, член большевистской партии, присутствовал на партийных съездах, оставил воспоминания о Ленине. Его роль в газете Дон-Аминадо преувеличивал.

[6] РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 98. Открытка, датируется по почтовому штемпелю.

[7] РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 824. Л. 14 и об. Машинопись. Подпись – автограф.

[8] Слово залито краской.

[9] РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 640. На бумаге с грифом: «Совет Всерос. Кооперативных Съездов. Подотдел Кооперативного издательства». Кто такие тов. А. и тов. Пиро, мы не знаем. Латинская цитата из «Писем с Понта» Овидия (Кн. III, IV, ст. 79). В пер. Н. Вольпин: «Пусть недостало сил – похвалы достойно усердье». О какой статье В. Рындзюна говорит Сандомирский – сказать трудно. В № 6 от 28 апреля была напечатана статья «Соловьи саботажа». Солонович – вероятно, Алексей Александрович (1887–1937), литератор, теоретик мистического анархизма, антропософ. Pro domo mea – о себе (лат.).

[10] *Эренбург И.* Две правды // Жизнь. 1918. Апр., 24 (11). № 2.

[11] *Ауслендер Сергей*. Литературная демагогия // Жизнь. 1918. 11 июня (29 мая). № 39. *Ауслендер Сергей*. Моим возражателям // Жизнь. 1918. Июнь, 18 (5). № 44.

[12] РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 220. Л. 1. Открытка.

[13] Там же. Л. 2—3.

[14] РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 709. Л. 1. Карандашная помета Борового: 10/IV 1918.

[15] РГАЛИ. Ф. 1023. Карт. 1. Ед. хр. 410.

[16] *Тис*. Из копилки недоразумений // Известия Ц.И.К. 1918. Июнь, 2. *Тис*. В застенке цеховой науки // Известия Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. 1918. Апр.,30. № 84. *Тис*. Еще об интеллигенции // Известия Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. 1918. Июнь, 13. № 119. На первую из этих статей см. ответ: *Боровой Алексей*. Интеллигенты-самоупразднители // Жизнь. 1918. Июнь, 9. № 38.

[17] *Минор О. С.* Так было, так есть // Возрождение. 1918. Июнь, 8. № 6.

[18] [*Боровой Алексей*]. Клеветникам // Жизнь. 1918. Июнь, 7. № 36. Статья была напечатана анонимно, авторство устанавливается по альбому статей и заметок Борового в газете (РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 87).

[19] *Мамошин Роман*. Верная Личарда // Новости дня. 1918. Июнь, 14. № 59. Выражение «нечестно пхающе» в точно таком виде нам удалось обнаружить лишь в воспоминаниях А. В. Амфитеатрова, рассказывавшего о судьбе корреспондента Л. Н. Толстого крестьянина Т. М. Бондарева: «Отправление этой рукописи сделало эпоху на патриархальной минусинской почве. Бондарев принес претолстый пакет с простым адресом: «Ст. Петербург, Царю». Почта пришла в ужас и изгнала Бондарева, “яко злодея, нечестно пьхающе”» (Амфитеатров, 1914: 30). Возможно, восходит к первому посланию Ивана Грозного к Курбскому.

[20] Возрождение. 1918. Июнь, 8. № 6.

[21] РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 838. Л. 4. Машинопись.

[22] РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 896. Л. 89.

[23] Там же. Ед. хр. 897. Л. 6.

[24] Там же.

[25] Там же. Ед. хр. 896. Л. 95.

[26] Не воспроизводим этот образец бюрократического красноречия, поскольку суть была изложена вполне адекватно. Само это извещение Боровым сохранено: РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 897. Л. 1.

[27] Вырезка вклеена – Там же. Ед. хр. 896. Л. 96. Оригинал извещения – Ед. хр. 897. Л. 2. Вероятно, заметка была написана самим Боровым.

[28] РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 382. Л. 3.

[29] Вклеена в альбом его публикаций в газете – РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 87.

[30] Там же. Ед. хр. 382. Л. 5.

[31] Там же. Ед. хр. 290. Л. 6. О написавшем это письмо Ю. М. Бочарове Боровой вспоминал в связи со своим приходом в газету «Новь» в 1914 г.: «В редакции знакомлюсь с секретарем – Юрием Михайловичем Бочаровым, милейшим, культурнейшим человеком, превосходным товарищем, прирожденным журналистом и, как позже оказалось, моим слушателем по университету <...> Позже, в 1918 г., когда я сам редактировал московскую газету «Жизнь», -- мне пришлось сойтись с ним еще теснее. Вскоре, по прекращении этой газеты, он, социал-демократ, “интернационалист”, перешел в коммунистическую партию, работал в Центрархиве, в Институте журналистики, потом занялся историческими работами, о чем мечтал и ранее» (Боровой, 2010: 31, 35). Переход в стан большевиков не спас Бочарова: он был расстрелян в 1936 г.

[32] О том, как он выстраивает описание своих отношений с Рындзюном-Ветлугиным, см.: Белобровцева 2011: 205–231. Его описание ситуации с «Жизнью» откомментировано нами в докладе, сделанном на конференции в Лионском университете и отданном в печать: «О достоверности мемуаров русской диаспоры».

Библиография

Амфитеатров А. В. Собрание сочинений. СПб: Просвещение, 1914. Т. 22. Властители дум.

Бакунцев А. В. Студенческие годы А. Ветлугина (1914—1918) // Литературный факт. 2017. № 5.

Бакунцев А. В. Журналист А. Ветлугин и его «путаная биография» // История отечественных СМИ. 2017. № 1.

Белобровцева Ирина, Меймре Аурика. Как это делалось в журналистике русского зарубежья (А. Ветлугин и др.) // A Century's Perspective: Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert Hughes. Stanford, 2006.

Белобровцева И. З. Маргиналы из «незамеченного поколения»: А. Ветлугин и Л. Зуров // Лицо и стиль: сборник научных статей, посвященный юбилею профессора В. В. Эйдиновой. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2009.

Белобровцева И. З. «Вами забытый и Вас любящий А. Ветлугин»: Письма А. Ветлугина Дон-Аминадо // Работа и служба: сб. памяти Рашита Янгирова. СПб: Свое издательство, 2011.

Белобровцева Ирина М. Булгаков и А. Ветлугин // Псевдонимы русского зарубежья: материалы и исследования / под ред. *Манфреда Шрубы* и *Олега Коростелева*. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Богомолов Н. А. Незамеченный отклик на «Двенадцать» // Русская литература. 2018. № 2. С. 47—51.

Богомолов Н. А. Русов Николай Николаевич // Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. Т. 5.

Боровой Алексей Алексеевич. Моя жизнь: Фрагменты воспоминаний / публ. *С. В. Шумихина* // Московский журнал. 2010. № 10.

Боровой Алексей «Париж был и остается значительнейшим фактом моей биографии...» / публ. *С. В. Шумихина* // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб: Athenaeum; Феникс, 2004. [Т.] VI.

Ветлугин А. Авантюристы гражданской войны. Париж: Север, 1921.

Дон-Аминадо Наша маленькая жизнь: Стихотворения; Политический памфлет; Проза; Воспоминания. М.: Терра, 1994.

Лавров А. В. Неизвестная статья Андрея Белого из архива А. А. Борового // Venok: Studia slavica Stefano Garzonio sexagenario oblata. Stanford, 2012. Pt. 1.

Мандельштамовская энциклопедия: в 2 т. М.: Росспэн, 2018. Т. 1.

Павлова Маргарита. О двух неизвестных памфлетах Ф. Сологуба: «Богдыхан» и/или «Китайская республика равных» // Федор Сологуб: Биография, творчество, интерпретации. СПб: Коста, 2010.

Попов Вячеслав, Фрезинский Борис. Илья Эренбург: Хроника жизни и творчества. СПб: Лина, 1993. Т. 1. 1891—1923.

Рублев Дмитрий, Рябов Петр. Алексей Алексеевич Боровой: Человек, мыслитель, анархист // Россия и современный мир. 2011. № 2.

Соболев А. Л. Перевал: Журнал свободной мысли 1906—1907: Аннотированный указатель содержания. М.: Изд. автора, 1997.

Тахо-Годи Е. А. А. Ф. Лосев в историческом пространстве между "Вехами" и "Из глубины" (о прозе Лосева и о трех забытых публикациях 1918 года в газете "Жизнь") // *Тахо-Годи Е. А.* Великие и безвестные. СПб: Нестор-История, 2008.

Толстая Елена. Толстой и Ветлугин // Toronto Slavic Quarterly. 2004. № 7.

Устинов А. Русская поэзия 100 лет назад: Взгляд из Ростова // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 1.

Notes

Auslender Serguej (1918a) Literaturnaia demagogija [Literary Demagogy]. *Zhizn'*: 39. 11 June (29 May). (In Russian)

Auslender Serguej (1918b) Moim vozrazhateliam [To My Opponents]. *Zhizn*': 44. 1918. 8 (15) June. (In Russian)

Borovoj Aleksej (1918a) Intelligenty-samouprazdniteli [Members of Intelligentsia Self- Cancel]. *Zhizn'*: 38. 9 June (28 May).

Borovoj Aleksej (1918b) Klevetnikam [To Slanderers]. *Zhizn'*: 36. 7 June (26 May). (In Russian)

Erenburg I. (1918) Dve pravdy [Two Truths]. *Zhizn'* 2. 24 (11) April. (In Russian)

Mamoshin Roman (1918) Vernaya Licharda [Faithful Licharda]. *Novosti dnya 59*. 14 June. (In Russian)

Minor O.S. (1918) Tak bylo, tak est' [So It Has Been, So It Is Now]. *Vozrozhdenie*: 6. 8 June. (In Russian)

RGALI. F. 1023. Op. 1. Ed. khr. 274. L. 98. Otkrytka, datiruyetsya po pochtovomu shtempelyu [RSALA. F. 1023. Inv. 1. Stor. un. 274. Sh. 98. A Postcard, Dated by the Postal Stamp]. (In Russian)

RGALI. F. 1023. Op. 1. Ed. khr. 824. L. 14. Mashinopis'. Podpis' – avtograf [RSALA. F. 1023. Inv. 1. Stor. un. 274. Sh.14. Typewriting. Signature – Autograph]. (In Russian)

RGALI. F. 1023. Op. 1. Ed. khr. 220. L. 1. Otkrytka [RSALA. F. 1023. Inv. 1. Stor. un. 220. Sh. 1. A Postcard]. (In Russian)

RGALI. F. 1023. Op. 1. Ed. khr. 709. L. 1. Karandashnaya pometa Borovogo: 10/IV 1918 [RSALA. F. 1023. Inv. 1. Stor. un. 709. Sh. 1. Borovoy's Pencil Note: April 10, 1918]. (In Russian)

RGALI. F. 1023. Kart. 1. Ed. khr. 410 [RSALA. F. 1023. C. 1. Stor. un. 410]. (In Russian)

RGALI. F. 1023. Op. 1. Ed. khr. 838. L. 4. Mashinopis' [RSALA. F. 1023. Inv. 1. Stor. un. 838. Sh. 4. Typewriting]. (In Russian)

RGALI. F. 1023. Op. 1. Ed. khr. 896. L. 89 [RSALA. F. 1023. Inv. 1. Stor. un. 896. Sh. 89]. (In Russian)

Tis (1918a) Iz kopilki nedorazumenij [From the Moneybox of Misunderstandings]. *Izvestija TsIK* 2 June. (In Russian)

Tis (1918b) V zastenke tsekhovoj nauki [In the Prison of Corporate Science]. *Izvestija*: 84. 30 April. (In Russian)

Tis (1918c) Esche ob intelligentsii [Some More About Intelligentsia]. *Izvestija:* 119. 13 June. (In Russian)

Vozrozhdenie [Revival] (1918) 6 June. № 6. (In Russian)

References

Amphiteatrov A. V. (1914) *Sobranie sochinenij. T. 22. Vlastiteli dum* [Collected Works. Vol. 22. Rulers of Men's Minds]. Sankt-Petersburg. (In Russian)

Bakuntsev A. V. (2017a) Studencheskie gody A. Vetlugina (1914—1918) [A. Vetlugin's Student Years (1914-1918)]. *Literaturnyj fakt* 5. (In Russian)

Bakuntsev A. V. (2017b) Zhurnalist A. Vetlugin i ego "putanaia biografija" [Journalist A. Vetlugin and His "Complicated Biography"]. *Istorija otechestvennykh SMI* 1. (In Russian)

Belobrovtseva Irina, Mejmre Aurika (2006) Kak eto delalos' v zhurnalistike russkogo zarubezh'ja (A. Vetlugin i dr.) [How This Was Done in the Journalism of Russian Abroad (A. Vetlugin and Others)]. In *A Century's Perspective: Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert Hugh*es. Stanford. (In Russian)

Belobrovtseva I. Z. (2009) Marginaly iz "nezamechennogo pokolenija": A. Vetlugin i L. Zurov [Marginals from the "Unheeded Generation": A. Vetlugin and L. Zurov]. In *Litso i stil': Sbornik nauchnykh statej, posviaschennyj jubileiu prof. V. V. Ejdinovoj* [The Face and Style: a Collection of Scientific Articles Dedicated to the Jubilee of Prof V.V. Eidinova]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'sk. un-ta. (In Russian)

Belobrovtseva I. Z. (2011) "Vami zabytyj i Vas liubiaschij A. Vetlugin": Pis'ma A. Vetlugina Don-Aminado [Forgotten by You and Loving You A. Vetlugin": A. Vetlugin's Letters to Don-Aminando]. In *Rabota i sluzhba: sbornik pamiati Rashita Jangirova* [Work and Employment: a Collection in Memoriam of Rashit Yangirov]. Sankt-Peterburg. (In Russian)

Belobrovtseva Irina (2016) M. Bulgakov i A. Vetlugin [M. Bulgakov and A. Vetlugin]. In *Psevdonimy russkogo zarubezh'ja: materialy i issledovanija* [Pseudonyms of Russian Abroad: Materials and Studies]. Moscow. (In Russian)

Bogomolov N. A. (2007) *Rusov N.N. Russkie pisateli 1800—1917: Biograficheskij slovar'. T. 5* [Rusov N.N. Russian Writers of 1800–1917: Biographical Dictionary. Vol. 5]. Moscow. (In Russian)

Bogomolov N. A. (2018) Nezamechennyj otklik na "Dvenadsat'" [An Unnoticed Response to "The Twelve"]. *Russkaia literatura* 2. (In Russian)

Borovoj Aleksej (2004) "Parizh byl i ostaijotsia znachitel'nejshim faktom moej biografii..." ["Paris Has Been and Remains a Significant Fact of My Biography..."]. In S. V. Shumilkhin (ed.) *Diaspora: Novye materialy* [Diaspora: New Materials]. Paris, Sankt-Petersburg. Vol. VI. (In Russian)

Borovoj Aleksej (2010) Moja zhizn': Fragmenty vospominanij (publ. S. V. Shumilkhin) [My Life: Excerpts of Recollections (publ. by S. V. Shumilkin)]. *Moskovskij zhurnal* 10. (In Russian)

Don Aminado (1994) *Nasha malen'kaia zhizn'* [Our Little Life]. Moscow. (In Russian)

Lavrov A. V. (2012) Neizvestnaia stat'ja Andreja Belogo iz arkhiva A. A. Borovogo [An Unknown Article by Andrey Bely from A.A. Borovoy's Archive]. *Venok: Studia slavica Stefano Garzonio sexagenario oblate* Stanford. Pt. 1.

Mandel'shtamovskaia entsiklopedija (2018) [Mandelshtamian Encyclopedia]. Moscow. Vol. 1. (In Russian)

Pavlova Margarita (2010) O dvukh neizvestnykh pamfletakh F. Sologuba: "Bogdykhan" i/ili "Kitajskaja respublika ravnykh" [On the Two Unknown Pamphlets by F. Sologub: "Bogdykhan" and/or "The Chinese Republic of Equals"]. In *Fedor Sologub: Biografija, tvorchestvo, interpretatsii* [Fedor Sologub: Biography, Creative Work, Interpretations]. Saint-Petersburg. (In Russian)

Popov Viacheslav, Frezinskij Boris (1993) *Il'ja Erenburg: Khronika zhizni i tvorchestva. T. 1. 1891–1923* [Ilya Erenburg: Chronicle of Life and Creative Work. Vol. 1. 1891–1923]. Saint-Petersburg: Lina. (In Russian)

Rubliov Dmitrij, Riabov Petr (2011) A.A. Borovoj: chelovek, myslitel', anarkhist [A. A. Borovoy: a Man, a Thinker and an Anarchist]. *Rossija I sovremennyj mir* 2. (In Russian)

Sobolev A. L.(1997) "*Pereval": zhurnal svobodnoj mysli 1906—1907: Annotirovannyj ukazatel' soderzhanija* [Pereval: a Journal of Free Thought of 1906–1907. Annotated Contents Index]. Moscow. (In Russian)

Takho-Godi E. A. (2008) *Velikije i bezvestnye* [The Great and the Unknown]. Saint-Petersburg. (In Russian)

Tolstaia Elena (2004) Tolstoj i Vetlugin [Tolstoy and Vetlugin]. *Toronto Slavic Quarterly* 7. (In Russian)

Ustinov A. (2016) Russkaia poezija 100 let nazad: vzgliad iz Rostova [Russian Poetry 100 Years Ago: A View from Rostov]. *Sjuzhetologija i sjuzhetografija* 1. (In Russian)

Vetlugin A. (1921) *Avantiuristy grazhdanskoj vojny* [Adventurers of the Civil War]. Paris. (In Russian)

Поступила в редакцию
19.09.2018